

Первая повесть, первый рассказ. первое стихотворение — событие не только для автора, но и для журнала, их публикующего. Открывая рубрику «Наши дебютанты», мы рады приветствовать тех, кто вступает на литературную дорогу, и тех, кто, открывая в себе творческие возможности, начинает работать в новом для себя жанре.

Пороги... Грохочущая мешанина из камня и воды. Брызги, пена, водовороты, расщепленные бревна и разбитые лодки... Людей, привыкших к спокойным равнинным рекам, картина порога может испугать дикой мощью. А между тем через эти грозные преграды на многих сибирских реках каждую навигацию проходят сотни судов, и идут они точно по графику, словно трамвайчики на Москве-реке... Их штурманам помогают специальные указатели („обстановочка“), поставленные на берегах,— створные знаки, а также бакены и вешки, укрепленные в самой стремнине. Но все равно, какое знание русла, какое мужество требуется от человека, вступающего в схватку с порогом! Мы знакомим сегодня читателей с рассказом Н. Димчевского, который ведется от имени капитана теплохода, преодолевающего один из самых трудных порогов Енисея—Казачинский. Придет время, когда гигантская плотина перекроет Енисей ниже устья Ангары и новое море поглотит Казачинский порог, но пока он приносит немало забот штурманам, матросам, путевым мастерам, бакенщикам и водолазам...

...Закинула руку на подушку, и личико видно в профиль. Ротик чуть приоткрыт, и глаза под ресницами тоже приоткрыты. Она так увлеченно спит, будто плывет и не может оторваться от теплого легкого потока. И я не могу оторваться от нее. Смотрю и смотрю, а ведь нельзя мне. Пора в рубку.

Беляев у штурвала сидит на своем высоком табурете. Он не шевельнулся, когда я вошел.

Здесь полутьма. Переплеты стекол квадратами нарезали светлое небо, черные берега и зеленый Енисей, проколотый огоньком бакена.

Прозрачная, без дымки ночная синева и светлынь. Спокойствие. Река сейчас похожа на спящую мою дочь. Так же забыв обо всем, плывет она в мохнатых берегах. Ни всплеска, ни морщинки. Только длинный нос теплохода бесшумно вспарывает зеленый шелк.

Эта ли тишина, это ли сходство неожиданно вызвали мысль пройти ночью через порог. Ведь я давно решил отстояться на якоре до утра. А тут разом все переменялось.

Беляев ничего еще не знает. Только когда впереди высветился далекий створный знак перед порогом, он мельком на меня взглянул.

— Пойдем. Дымки нет, светло,— сказал я. Он опять застыл.

Да, пойдем, пойдем! Что ж терять время. Вот так неожиданно всегда вспыхивают решительные мысли. И в жизни все, что запоминается и тревожит, приходит неожиданно.

Я поворачиваю реостат. На пульте управления машиной словно свиные глаза, вспыхивают указатели оборотов. Что-то один вроде бы немножко врет. Пригасил свет, и снова в рубке полутьма. Розовато-синее небо и зеленая вода зали-

вают весь мир. Одиноким створный знак тихо и уютно угнездился на черном берегу. Он, точно лампа в чьем-то окне, в этот полуночный час. Тихой теплой ночью створный знак приносит удивительный покой. Даже не потому, что показывает курс, а просто самим своим бытием. Он приходит к вахтенным, как живое существо, как собеседник, как напоминание об окне, в котором горит лампа.

Опять я об этом... Наше окно сейчас совсем темное. Ни одна звезда не блеснет на нем. Пусто в запертых комнатках у затона. И дочка в каюте спит одна. Я не хочу вспоминать о жене. Не хочу. Отгоняю всякую мысль о ней. Но створный знак, тихо лучащийся над густо-зеленой водой, напоминает о доме, который пуст, и об уюте, которого, пожалуй, никогда не было.

Порог близко. Проход разрешен.

Беляев бросает на меня короткий взгляд.

— Держи по створу, — говорю я, — чуть левей.

И снова поворачиваю реостат. На указателе левой машины стрелка дрожит и мечется. Ничего не поймешь. Надо же, когда забарахлила! Постукивая по стеклу, по кожуху, — стрелка словно заблудилась, не придумает, куда ткнуться. Вот и сунься с ней в пекло.

Створный знак прошли. Скоро. Что за черт с этим указателем! Гашу свет и перехожу к столику, где у нас переговорные трубки. Позвал механика. Тот спросоны не сразу подошел. Наконец, закашлялся, захрипел своим прокуренным голосом. Отослал его в машину — пускай последит.

Беляев опять коротко глянул на меня.

— Не отвлекайся, — стараясь быть спокойным, говорю я, — видишь створ за порогом?

— Не видно.

Всматриваюсь. Да. Не видно.

Еще чего не хватало!

Выхожу из рубки. Пряная речная сырость со сладким запахом пихты заливает реку. Ни искорки не видно вдали. Может дымка закрыла? Здесь она бывает. Почему ж разрешили выйти в порог? Бакенщик не доглядел? Прошляпил теплоход, такую махину?

Я упираюсь в сырые перила. Злость и досада на бакенщика стучат в виски. Не досмотрел, пенек!

— Бинокль возьмите, — глухо говорит из рубки Беляев.

Но и бинокль не помогает. Нет створа. Нет — и все. Ничего не подлаешь.

Я перехожу на левое крыло мостика и смотрю назад. Там знак виден ясно. Его чуть размывает речная сырость, но светит он спокойно и уверенно. Теперь он не нужен. Светит или нет — все равно. Он остался позади, и его фонарик уже ни о чем мне не говорит.

Не к месту здесь эти мысли о семейной моей неудаче, обо всем, что прошло и о чем я зарекся не думать. Не получилось — значит не получилось. Не люблю ворошить прошлое. Я отвернулся от створа, оставшегося за кормой.

Захлопнул дверь, повернул реостат. Снова осветилась эта беспомощная дряблая стрелка. Беляев скосил на нее глаза, и я убавил свет. Пискнул свисток переговорной трубки. Это механик. Все нормально в машине.

— В машине порядок, — говорю Беляеву.

Ну, все. Начинается. От бледной негаснущей зари вода высветилась до самой дали. В ночном сиянии тревожно и недобро ворочается порог. На спине Енисея пляшет цепочка красных и белых огней. Ее перерезают поперек черные клинья бурунов. Ночной свет не может озарить их темный кипень, их злобу. Серо-черные притаились у правого берега камни.

Отсюда хорошо видно, как в сердце спокойной сияющей вечерним нарядом реки врезается нож порога и ничего не остается от ее гордой осанки. Черными клочьями бурунов опадает ее покрывало.

И вдруг проклюнулись перед створные знаки — белый и красный. Плавно мигнули, затрепетали и застыли. Мы заметили их сразу и переглянулись. Отлегло...

Беляев отодвинул табурет и встал у штурвала.

— Обстановочка, — сказал он с облегчением, — как на бульваре фонари.

Да, обстановочка хороша. Все в порядке. Пройдем. Вспомнилось, как еще мальчишкой услышал слово «обстановочка», сказанное об убранстве дома. И мне представилось тогда, что в избу затащили бакены, щиты створных знаков и вешки с метелками на концах...

Теплоход вышел в ожерелье обставных огней, прострочивших опасное место. Началось. Сколько раз миную этот порог, и все он новый, и всегда здорово выматывает. Тут каждый метр на счету. Отклонился от фарватера — конец.

Чуть плеснул ветерок в открытое окно. В сыром его запахе на миг почудилась осенняя пронизь, а за ней мелькнуло все, случившееся здесь прошлой осенью. И место это самое, и камни справа, и волглая слепая дымка, съезжавшая редкие бакены, съезжавшая створ.

...На попутном буксире с караваном возвращался я с женой к себе в Подтесово. В рубку из каюты поднялся, когда уже входили в порог. Серов, размазня, поддался уговорам. Пряхина и повел караван ночью. Что, мол, время терять — раньше снизу вернемся.

В тот момент оба они уже поняли ошибку: ругали и бесились, а было поздно.

Пряхин стоял у штурвала в одной рубашке. Полушубок ва-

лялся на полу. Он наступил на него левой ногой, а другой старался отбросить прочь. Ничего, конечно, не получалось, Пряхин костерил всех на свете. Серов невпопад, безнадежно огрызался. Даже в полутьме было заметно, что лицо у него серое и губы дрожат.

Две баржи темнели сзади. На носу ближней к нам стоял Вася Иванов. Я знал его по прошлой навигации — вместе ходили. Я вижу его силуэт и в руках багор. Зачем понадобился багор?

Буксир потащило на камни. Пряхин резко взял влево. Баржи, словно в задумчивости, медленно и упорно подползали к камням. Иванов перекинул багор через борт и махал нам рукой — что-то кричал. Не слышно ничего, но видно, что кричит. Он думал багром, этой спичкой, оттолкнуть многотонную громаду от камней. А до них — несколько метров.

И тогда Серов сжал голову руками и завыл. Он уткнулся в угол рубки и выл что-то неслуханное, без слов. Это не был плач. Просто вой и только.

Пряхин продолжал материться и взял совсем влево. Он тоже ополоумел и перся вон из фарватера.

Пересилив его, я выправил буксир и приказал так держать.

В это время баржи одна за другой с ходу, боком наломались на камни. Я видел, как Вася полетел со своим багром за борт.

Я выскочил из рубки и вместе с матросом стал освобождать буксирный трос. Но было поздно. Короткий сильный удар сбил нас с ног. В пороге это — гибель. Судно, привязанное к мертвой барже, останавливается, и течение вжимает его в воду. Оно, как блесна на леске, погружается в глубину.

Однако неожиданно буксир освободился и понесся вниз по течению. Это на барже оборвался конец троса. Я смутно видел, что там какая-то мешанина. Баржа вроде бы разлезлась пополам. Так оно и было. Потом все расплылось в мути.

Когда я опомнился, жена стояла рядом.

— Последний раз... Последний раз я в этом аду! Больше не могу. Все ненавижу. Понял? Все.

И задыхнулась, и ушла в каюту. Я много раз слышал такое от нее. Но тогда сразу даже и не понял. Нужно было спасать ребят на баржах.

Только когда, развернувшись, мы пошли обратно, вверх по течению, в голове у меня словно прокрутили ленту с этими ее словами. Я вслушался в них и решил...

Все это одним мигом мелькнуло в памяти. Но не тем сейчас заняты мысли. Я смотрю в открытое окно. Бурлит и ярится вода. Енисей тут все выворачивает и перекручивает. Наш теплоход с тысячей тонн груза лишь ловкостью и хитростью может одолеть эту мешанину из камня и воды. Вошли хорошо, плавно.

— Чуть левой, — говорю я штурману, не отрываясь от окна, — смотри, чтоб не заносило.

И вот загрохотали черные пасти воронок, подступили белесые камни, сломя голову полетели валы.

Перехожу к пульту машины. Беляев будто врос в штурвал. В полутьме лишь блестят белки глаз. Рубаха прилипла к спине.

Здесь сердце порога. Дрожь пробивает громаду теплохода. Его несет вправо на буруны и камни. Так и тянет. Мудрено ли было Серову запороть тогда баржи...

Я слышу напряженное дыханье штурмана. Он словно

бежит рядом со мной. У меня струйка пота сползает с бровей на щеку, но ее некогда вытереть.

— Еще левой. Видишь, заносит.левой.

Тут одним рулем не справиться. Берусь за рукоятки на пульте, наввляю обороты правой машины.

Нос теплохода медленно отворачивается от бурунов и канной. Откуда-то налетел ветерок и хлопнул брезентом, уквившим ящики с помидорами. Болгарские помидоры для Норильска. Мы пристроили их на самом носу.

Ну вот и все!

Будут помидоры в Норильске. Первые помидоры. Да, самые ранние здесь помидоры. Порог ворочается за кормой. Я отпускаю Беляева немного отдохнуть, включаю радио и встаю к штурвалу.

Беляев вытирает лоб, достает пачку сигарет, облакачивается на столик и смотрит в окно. Потом он вспоминает обо мне и спрашивает:

— Хотите сигарету?

Мы закуриваем.

— А почему теперь помидоры? — спрашивает он.

Я не знаю, почему. В Красноярске так и не удалось выввращать в магазин. Погрузка шла по-сумасшедшему.

И опять... Точно сквозь зубы, вспоминается, как жена приносила всякой петрушки из города и мы устраивали зеленый пир.

Беляев снова ставит свой табурет к штурвалу, а я иду на минутку в каюту.

Совсем раскрылась моя стрекоза. Сжалась в комок и руки сунула под подушку. Одеало сползло на пол. Я уквиваю ее потеплей. Она что-то бормочет и поворачивается лицом к подушке.

За окном между светлым небом и зеленой водой ползет по мохнатым пихтам спокойный фонарь створного знака.

В ДАЛЬНОЙ
ДОРОГЕ

Н. ДИМЧЕВСКИЙ

Это похоже на сказку. Медный пласт негаснущей полярной зари, серые валуны, звон горной реки, и вдруг из-за кустов тальника выплывает причудливое сплетенье мохнатых живых рогов. В первое мгновение не замечаешь, что эти необычно сложные по рисунку, тяжелые и большие сооружения прикреплены к тонким точеным головам низкорослых оленей. В вечернем сумраке кажется, будто на тебя идет какое-то странное животное с десятком голов, посаженных на лебединые шеи. Потом видишь нарты, скользящие по камням, и пастуха. Он в черном суконном «гусе» и с длинным белым шестом-хореем в руке. Капюшон «гуся» плотно облегал голову, плавно переходит к плечам, без единой складки

СВЕТ
ПОЛЯРНОЙ
ЗАРИ

скользит к рукавам, течет к поясу. Как метко найдено название одежды! Человек в ней выглядит гладким, надежно защищенным от стихии — ни один комар «не подточит носа», не прокусит толстого сукна, ни дождь, ни осенний снег не страшны в таком одеянии — с него все напасти как с гуся вода (если, конечно, сукно добротное).

Сказка продолжается. Мы садимся на нарты, покрытые оленьей шкурой. Прохор — так зовут пастуха — тихонько пошевеливает. Мохнатые рога упираются в зарю. Олени разом трога-

ют. Их пять в упряжке. Полозья стучат по камням. Никакой дороги, конечно, нет. Когда под полоз попадает крупный валун, нарты кренятся так, что приходится крепко держаться руками за сиденье. Наконец выезжаем на траву.

Проход сначала потихоньку, потом все громче шипит:

— Кщ... кщ... кщ... щ-щ-щ-щы-ы!

Олени закидывают рога и летят по луговине. Ночная трава скользкая от росы — нарты идут легко. За нами в тумане вытянулся весь аргиш — вереница из шести нарт.

Путь по тундре полон неожиданностей. Под пригорком оказываются заросли высокого кустарника. Их не объезжают. Олени встают на дыбы, грудью подминают кусты и тянут нарты по сломанным, подогнутым и вывернутым с корнем стволам, довольно толстым и необычайно разлапистым.

Или на пути овраг. Упряжка, не сбавляя хода, бросается вниз. Тут только держись! Нарты скачут по кочкам, кренятся до того, что удивляешься, почему не перевернулись. А внизу — болото. Олени бегут сначала по колено, потом почти по грудь в трясине. Проход подгоняет их криком и легкими ударами хорея. Стойки нарт до половины в ржавой жиже. В лицо из-под копыт летят комья мокрого мха и брызги. Одежда сплошь в пятнах и подтеках болотной воды.

Но вот упряжка вырывается на другой берег оврага, и перед глазами расстилается ровная сухая тундра. Кустарниковая березка высотой по колено, мох, трава...

Из низких зарослей вытянула голову куропатка. Она совсем рядом, но не летит — возле нее выводок. Проезжаем мимо. И тотчас раздается отчаянный писк — это собака, бегущая за аргишем, решила полакомиться птенцом... Куропатка с криком взлетает. Мелькают белые подкрылки.

Мы выбираемся на самую высокую точку равнины. Короткий отдых. Отсюда на десятки кило-

метров видна долина реки, залитая туманом. Справа высится грусто-синий хребет Полярного Урала, иссеченный полосами снежников. Над ним спят тяжелые облака, его подошва тонет в голубой мгле. Неколебимая тишина стоит в тундре. Разгоряченное дыхание оленей и голоса людей лишь оттеняют ее.

Медная заря постепенно бледнеет, на смену ей приходит латунная желтизна, а потом яркое золото, предвещающее восход солнца, которое закатывается здесь часа на два.

Повсюду — светлые шляпки подберезовиков. Грибы молоденькие, крепкие. Олени с удовольствием жуют их. Это лакомство привлекает животных настолько, что подчас трудно сдерживать упряжку — они сбиваются в сторону и норовят уйти по грибы.

Мы тоже не отказываем себе в удовольствии и едим маленькие подберезовики сырыми. Они очень приятны на вкус и удивительно ароматны. Никакой жареный или вареный гриб не сравнится с сырым!

Тем временем пастухи перепрыгнули оленей — и снова в путь. Первой теперь идет упряжка хантки Наташи. Вожак у нее белый с огромными светлыми рогами. На расшитом ошейнике позванивает колокольчик. Наташа стоит на полозе и ловко правит одной ременной возжой и хореом. Она в национальном красном сарафане и красной шали, которые сочными пятнами плывут на фоне синих гор и голубой тундры. На нартах Наташи спят ее сыновья. Один в берестовой люльке, накрепко привязанной ременной веревкой, другой, трехлетний, сидя. Он тоже привязан к нартам. Им дела нет до пути — кусты, кочки, болота — все ничем. Ночью, если даже она совсем светлая и если ремни сжимают ноги и грудь, детям все равно положено спать.

Ночь — лучшее время суток для переезда. Днем, когда совсем тепло и безветренно — тучи комаров и оводов не дают покоя ни оленям, ни людям. Сейчас же, пока нет солнца, обильная роса

и холод отпугнули всю крылатую нечисть. Собственно, из-за этой нечисти мы и едем в тундру. Наша небольшая экспедиция должна испытать новый препарат и научить пастухов пользоваться уже зарекомендовавшими себя средствами защиты оленей от кровососущих насекомых. Вон там, впереди, в брезентовом плаще с накинутым на голову капюшоном — Иван Васильевич Тарасенков, старший ветеринарный врач управления Севера Министерства сельского хозяйства РСФСР. Ветеринарный врач Салехардского ветуправления Иван Дмитриевич Головкин и ветеринарный фельдшер совхоза «Мужевский» Василий Сергеевич Кузьмин, как заправские каюры правят упряжками сами. Аргиш завершают нарты, на которых едет Витя Кулагин, студент-практикант из Омского ветеринарного института.

Комары не заставили себя долго ждать. Едва показалось солнце и стала обсыхать роса, они начали липнуть на лицо и руки. Через каких-нибудь двадцать минут от комаров уже спасу не было. Жителям центральной полосы России трудно себе представить эту напасть, это в буквальном смысле бедствие, которое каждое лето обрушивается на обитателей Севера. Даже самое комариное лето в Подмоскovie не может дать и отдаленного представления о здешнем гнусе.

Капюшон сидящего впереди Прохора из черного стал серым и мохнатым от налипших на него комаров. Насекомые теснились крыло к крылу и старались прокусить сукно. В мои руки и лицо впились сотни иголок. То ли количество укусов, то ли особенность местного комара, а может то и другое вместе, вызывали не зуд — настоящую боль. Терпеть ее стало невозможно. На полном ходу, рискуя упасть с нарт, я достал пузырек с диметилфталатом и стал натирать лицо и руки. Атаки крылатых хищников прекратились, но через несколько минут я почувствовал уколы в запястье и около глаз, куда не попала защитная жидкость. Лю-

бую щелку в одежде, любой незащищенный участок кожи комары находят с удивительной быстротой.

Можно представить, каково приходится оленям! Туда, где шерсть поменьше и пореже, комары вбиваются тысячами. Нельзя без боли смотреть на оленьи морды, серые от роа насекомых. Достается и рогам, которые летом еще совсем мягкие, налитые кровью и пушистые. Очищаются от шерсти и твердеют рога лишь к осени, а сейчас они болезненно-чувствительны к любому прикосновению. Вероятно, в этом причина той царственной грации, с которой их несут олени,— животные боятся задеть ими за что-либо и поранить. Даже к ласковым рукам они относятся с опаской. На ощупь рога очень теплые, почти горячие, пульсирующие, шерсть на них шелковистая, нежная.

Шесть часов езды по тундре — и мы у цели. В низинке между двух озер ярко светятся на зелени мха и травы два чума, крытых белым брезентом. Это третья бригада совхоза «Мужевский» Ямало-Ненецкого национального округа. Когда аргиш подъезжает, из верхнего отверстия чумов начинает подниматься синий дымок.

Знакомимся с пастухами. Распросив о новостях, они рассказывают о стаде, жалуются на обилие комара, который совсем не дает оленям покоя.

Потом нас приглашают в чум. На выскобленных до белизны досках, положенных прямо на тундровый покров, внутри чума стоят небольшие низкие столики — по два на каждой половине. Посредине, на полоске земли между досками, тлеют угли костра. В них лежит несколько причудливо изогнутых тальниковых веток, они точно змеи корчатся в костре. К отверстию наверху словно из курильницы тянется тонкая струйка удивительно душистого дыма.

Подогнув под себя ноги, устраиваемся на оленьих шкурах вокруг столика. После трудной дороги невыразимое наслаждение

доставляет этот покой и приветливость хозяек, разливающих крепкий, чуть вяжущий зеленый чай. А нежнейшая оленина, тушенная в собственном соку! А желтая, как медовые соты, варка — кусочки сушеной рыбы, пропитанные ароматным жиром! Все это очень вкусно и быстро насыщает. Но главное, конечно,— внимательность и забота хозяев, немногословных, всякое выдавших в жизни пастухов. Здесь не чувствуешь себя незнакомцем или чужаком. С первого приветствия ты свой. Это не подчеркивается ни жестом, ни словом, это чувствуется, а что может быть приятней такой искренности!

Разговор идет на трех языках сразу — хантском, коми и русском. Для нас, не знающих первых двух, коротко и очень хорошо переводит Никифор Данилович Канев, коми по национальности, замечательной души человек. Он прекрасно изучил тундру Полярного Урала до самого Карского моря, может часами рассказывать о повадках оленей, о травах и мхах, о целебных свойствах морской воды, о трудных зимних переходах.

После чая отдыхаем под пологом, отгораживающим часть чума. Это необходимо, потому что комаров в жилище набивается предостаточно. Сквозь дрему слышим, как подходит стадо. Олени издают звуки, похожие на хрюканье или кряканье. Раздается довольно громкое потрескивание, словно пересыпают стальные шарики подшипников, — это щелкают бабки в суставах около копыт. Говорят, чем сильнее устал олень, тем громче треск. Выходим из чума. Зрелище стада, в котором около трех тысяч оленей, захватывает, как своеобразный спектакль. На этих животных можно смотреть часами. Тут стройные красавцы бычки — хоры, увенчанные величественными резными коронами, пугливые грациозные самки — важенки и совсем еще маленькие бархатные телята с доверчивыми огромными глазами.

Олени беспокойны. Стадо сби-

лось в плотную массу, а животные, которые оказались с краю, непрерывно бегут вокруг этого ядра. Все, как могут, спасаются от комаров и оводов: те, что в центре — прижимаясь друг к другу, те, что на периферии, движением стараются отогнать кровососов. Непрерывный бег сильно изнуряет оленей. В комариный сезон они иногда по нескольку суток ничего не едят и истощаются до крайности.

Несколько слов об оводе. Это враг более коварный, чем комар. Тактика у него сложная и, можно сказать, виртуозная. Овод подлетает к морде оленя и, даже не садясь на нее, с воздуха, точно прицелясь, в какие-то доли секунды впрыскивает в ноздрю животного порцию своих личинок. Там они и развиваются первоначально, а потом распространяются по всему телу. Созревают они под кожей в особом коконе, который затем прорывает кожу и высовывается наружу. Бывают шкуры, на которых насчитывается больше тысячи дыр от личинок овода!

Можно представить значение препаратов, которые хотя бы на несколько часов в сутки оградили бы оленей от крылатых недругов, дали бы возможность отдохнуть, спокойно покормиться. Ветеринары сразу же начинают проверять насос, шланги, форсунки для разбрызгивания раствора хлорофоса, уничтожающего комаров. Нельзя терять ни часа! Нужно признаться, работа эта лишена внешних эффектов, она будничная и даже нудная. Однако так может показаться лишь неосведомленному человеку. Стоит посмотреть, как увлечен ею И. В. Тарасенков, много лет отдавший оленеводству, не раз рискувавший жизнью на просторах Полярного Урала, и станет понятной значимость начатого дела. Ведь комары, оводы, мошка издревле считались стихией, перед которой люди бессильны: так же, как нельзя предотвратить наступление зимы, нельзя избежать и появления гнуса. И вот человек решает вызвать комара на поеди-

нок, бросает ему перчатку... В этом есть что-то торжественное. Я не ошибся в слове. Кто бывал в тундре и тайге, знает: комар да мошка — самые кровожадные «звери». Когда попадаешь в тучу насекомых, чувствуешь себя так, словно тебя засасывает спрут или огромная медуза, от которых не спасешься.

Поединок начинается...

В большой брезентовый мешок, укрепленный на распорках, как в бочку, носят из озера прозрачную воду. Потом в ней растворяют несколько пачек хлорофоса, внешне напоминающего обыкновенную соль.

День теплый, с чуть заметным ветерком со стороны гор. Это идеальные условия для опрыскивания животных. С. В. Кузьмин прикрепил к шестам-хореем концы шлангов с форсунками. Один шест он воткнул в землю, в самой гуще оленьего стада, другой решил носить в руках, чтоб обработать побольше животных.

Насосом подали раствор. От форсунок отделилось прозрачное облачко и поплыло по ветру над стадом. Некоторое время олени сторонились шестов, напряженно прислушивались, трясли головами. Шипенье форсунок они приняли за жужжанье овода... Потом постепенно привыкли.

Даже в начале поединка стало несомненным превосходство человека. Примерно через час комаров стало заметно меньше, олени начали успокаиваться, ложиться на землю — верный признак, что их ничто не беспокоит. К вечеру провели второе опрыскивание. В тундре в это время — ад крошечный, а возле чумов, на тандере (так называют площадку, где собираются олени) просто благодать. И. В. Тарасенков снял рубашку и в одной майке разгуливал около стада — летняя одежда по этим местам невиданная! Здесь обычно чем жарче, тем плотней надо закутываться.

Лицо Ивана Васильевича, вся поджарая энергичная фигура излучали такое торжество, что ко всем сразу пришло празднич-

ное настроение. Заулыбались и сдержанные пастухи. Сначала они с недоверием отнеслись к самой идее побороть комара. Это очень тревожило Тарасенкова. Теперь лед тронулся, хотя оленеводы не спешили дать окончательную оценку. Во всяком случае начало было неплохим.

Побороть укоренившиеся убеждения и предрассудки не просто. А от их преодоления зависит судьба нового препарата, его применение. Удача первого опыта значила поэтому очень много.

Оленеводам рассказывали, что на Чукотке с успехом опрыскивают стада хлорофосом. Слушали они с интересом, но тут же замечали, что Чукотка слишком уж далека от уральского Заполярья, и комар тут может оказаться другим. Побить такой аргумент словами, конечно, невозможно. Иван Васильевич и не стал спорить. Он применил самый веский аргумент — убеждение делом. Можно понять его радость и торжество.

Помощь науки с каждым годом все глубже осознается и принимается оленеводами. Кто не знает страшного бича Севера — сибирской язвы. До недавнего времени возле озера Ней-то, да и вообще по Ямальской тундре люди натыкались порой на страшные картины последствий сибирской язвы. Ненцы зовут эти своеобразные памятники «хальмермя» — мертвый чум. В обветшалых, полуразвалившихся жилищах пастухи и путешественники находили скелеты людей, а около земля была усеяна костями и черепами погибших оленей. Рассказывают, что олени, измученные болезнью, сбивались около чумов, мордой отодвигали полог, заглядывали в жилище, как бы прося помощи. Но люди не могли помочь животным и сами погибали вместе со стадами.

Теперь все это в прошлом. Наукой созданы надежные препараты против сибирской язвы. Сейчас в тундре не встретить ни одного скептика, который отказался бы делать оленям прививку. А ведь внедрялась сыворотка и вакцина не без труда.

Хлорофос — уже испытанное соединение, у нас не было в нем сомнений. Но вот настала пора настоящего эксперимента. Иван Васильевич привез алюминиевый баллон с жидкостью, носящей название «мукс». Этот препарат нигде еще в нашей стране не испытывался. Как он будет действовать на комаров? Как он несется к нему олени? Не будет ли он раздражать глаза, рот и нос животных? Эти вопросы предстояло разрешить.

На другой день к вечеру в тундру отогнали около двадцати оленей. Там на берегу озера их миглом облепили комары. Поскольку «мукса» было немного, решили разбрызгивать его экономней — из пульверизатора, как в парикмахерской... И. Д. Головки не без трепета начал обработку. Жидкость зашипела в форсунке. Пожалуй, никогда этот далеко не мелодичный звук не вызывал столько эмоций.

— Мрут, гадины! Как мухи мрут! — восторженно закричал Витя Кулагин.

Все обступили Головки. Действительно, едва облачко распыленного препарата касалось комаров, облепивших ногу оленя, они мгновенно чернели и падали в траву. Эффектно. Однако это всего лишь полдела. Комары не должны садиться на оленей, опрысканных «муksom», в течение суток, а возможно, и дольше. Это еще предстояло выяснить. Несколько часов после обработки животные чувствовали себя прекрасно. Результат уже не плохой. Наблюдения продолжались...

Вечером, попрощавшись с участниками экспедиции, я отправился с попутной упряжкой дальше в тундру.

Постепенно становились привычными громады гор, медное пламя заката и восхода, бурные реки, гремевшие в камнях...

Неповторимыми и всякий раз новыми оставались встречи с тружениками тундры. Их судьбы и сердца как бы впитали необъятность просторов, а обветренные лица навсегда окрасили свет полярной зари.